

*Рауль
Мир-Хайдаров*

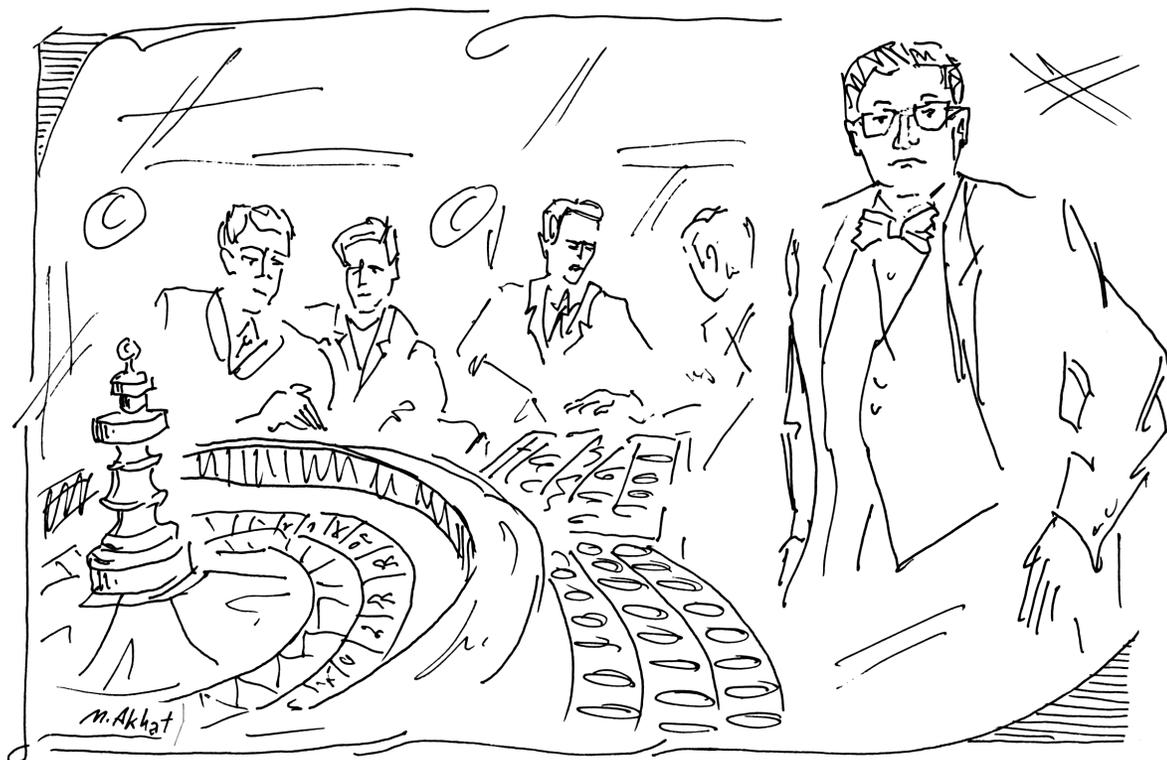
...И временем, как водой, всё залито

НЕДАВНО где-то прочитал, а потом ещё и по телевизору услышал от какого-то прыткого молодого человека, что писателями в Советском Союзе могли стать только члены КПСС. Как член Союза писателей с 1975 года утверждаю, что треть писателей никогда не состояла в партии, я и сам ни дня не был ни в старой, ни в новой, ни в новейшей...

Ещё этот «знаток» прошлой жизни утверждал, что за писателями повсюду существовал надзор, что наши телефоны прослушивались, а в Домах творчества чуть ли не в каждой комнате прятались «жучки». Если бы такой надзор существовал, то три четверти из нас были бы давно изгнаны из Союза писателей. Проведя десятки лет бок о бок со своими коллегами в Домах творчества, заверяю вас, что большинство пишущих – это люди с самостоятельным мышлением, далеко не гладкого характера. Они не очень-то фильтровали свои взгляды, суждения, и мы знали – кто есть кто, что из себя тот или иной писатель представляет. Внешнее поведение писателя зависело только от его культуры, а разница в культуре, признаюсь, была такая огромная, что бросалась в глаза.

О том, как мы выпивали, слушали «вражь» голоса, вы уже знаете. Расскажу ещё об одном писательском «проке» – азартных играх, ничто человеческое не было чуждо труженикам пера.

Зимой 1979 года писатель, журналист-международник Ярослав Голованов побывал в очередной раз в Париже на каком-то большом научном конгрессе. Даже столь яркого и популярного

человека, как Голованов, мне придётся подробно представить нынешнему читателю. Новому поколению даже имя самого Сергея Королёва ничего не говорит.

В ту пору стоило сказать: Гагарин, космос, Леонов, как невольно напрашивалась в этот ряд его фамилия – Ярослав Голованов. На каком-то этапе космонавтики Ярослав Кириллович, как молодой учёный, связанный с ракетостроением и космосом, был зачислен в отряд космонавтов и готовился среди других счастливиц к полётам в космос. Я знал Ярослава Кирилловича много лет, у меня в личной библиотеке хранятся несколько книг с его дарственной надписью.

Он писал интереснейшие этюды об учёных, и не только о наших. Его эрудиция, информированность поражали, он свободно владел английским, говорил неплохо по-немецки. Но главное в нём даже не это, Ярослав Кириллович был невероятно коммуникабельным,

контактным человеком, привораживал к себе с первого слова, с одной улыбкой, ему невозможно было в чём-то отказать. Женщины обожали его до самой старости, хотя я не могу сегодня и в мыслях представить себе его старым. Отличаясь хорошим чувством юмора, до последних дней своих он заседал в жюри молодёжного конкурса КВН.

В космос ему слетать не удалось – не судьба. За годы пребывания в команде он подружился со многими космонавтами – с Гагариным, Титовым... У Терешковой и Николаева гулял на свадьбе. Он перезнакомился со всеми крупными учёными, подготовившими наш космический успех. Побывал много раз на Байконуре, провожая и встречая в казахских степях космонавтов. Видел отложенные и неудачные старты. Интерес к космосу, космонавтам в ту пору был таким огромным, искренним – не передать! Поймут меня лишь те, кому довелось жить в те далёкие-близкие годы.

Триумфу нашей науки, невероятно-му рывку первых космонавтов во Вселенную и посвятил своё писательское и журналистское творчество Ярослав Голованов. Он был востребован временем, его читали, его выступления ждали в трудовых коллективах, институтах, на телевидении.

В прежней «Комсомольской правде», спецкором которой он был многие годы, в объёмах его не ограничивали. В «Комсомолке», «Литературной газете» и др. печатали огромные подвалы и целые полосы его очерков, этюдов, интервью, статей о выдающихся достижениях нашей науки и её творцах. Уверен, в том, что лучшие наши технические вузы с 1963 года по 1980-й невиданными конкурсами абитуриентов обязаны не только техническому взлёту страны, но и тем увлекательнейшим статьям, что писал Ярослав Голованов. («Комсомолка», например, имела миллионные тиражи.)

Такая преамбула понадобилась только для того, чтобы вы почувствовали масштаб личности, которая могла затеять рулетку в Доме творчества как раз в те дни, когда разгорелся сыр-бор вокруг только что вышедшего на Западе скандального альманаха «Метрополь», созданного Василием Аксёновым и другими. Кстати, многие печальные события, тяжело коснувшиеся двух авторов легендарного альманаха, происходили в Малеевке на наших глазах, потому что Инна Львовна Лиснянская и Семён Израилевич Липкин в эти зимние месяцы как раз находились здесь. Жили они через комнату от меня, на первом этаже главного корпуса. Не я один, наверное, запомнил зловещие чёрные «Волги», приезжавшие недели две подряд в Малеевку из Москвы. Наведывались к моим соседям разные, но одинаковые на лица функционеры, наверное, не только из Союза писателей...

Но об этом подробнее в другой раз, особенно про Семёна Израилевича и Инну Львовну. Позже, лет через десять после «Метрополя», я прожил рядом с ними в Переделкине почти девять лет, и

мы очень тесно общались. Похваюсь, у меня есть книги с их автографами, я был зван с супругой Ириной на юбилей Семёна Израилевича и Инны Львовны, проводившиеся в Переделкине, познакомился с их детьми, живущими вне России. От Семёна Израилевича я узнал много неизвестного о татарских классиках – Мусе Джалиле и Хасане Туфане, с которыми, оказывается, Семён Израилевич близко общался ещё до войны в конце 30-х, переводил их. Нелишне напомнить, что главный эпос татар «Идегей» перевёл именно Семён Израилевич в конце 40-х, и тут же этот перевод был запрещён на сорок лет, как националистический. С. И. Липкин – бывший морской офицер, начал войну в Кронштадте во флотской газете в офицерском звании. Его уже давно нет с нами, но дела его, переводы живут до сих пор, и он навсегда останется в благодарной памяти татар, казахов, туркмен, азербайджанцев. Почему я так их выделяю? Семён Израилевич Липкин перевёл у этих народов главные литературные памятники, сохранённые в веках.

Вернулся из Парижа спецкор «Комсомолки» не с пустыми руками, привёз подарки не только домочадцам и друзьям, но не забыл и нас, малеевцев, – в Малеевке он тоже слыл завсегдаем. Привёз он... рулетку. Не для строительных нужд. Настоящую игровую рулетку. Не такую громоздкую и роскошную, какие мы видели в фильмах о загнивающей западной жизни, – из редких пород дерева, с дорогим зелёным сукном, сияющим хромом и никелем. Он привёз мини-рулетку, которая в мгновение ока раскладывалась на любом столе и без сукна, и, если помещение позволяло, человек десять-двенадцать могли играть комфортно, правда, всегда возникала проблема со стульями.

В первый же вечер появления в Малеевке Голованов перед самым началом кино нашёл меня с поэтом Виктором Гофманом в холле второго этажа и, отведя в сторону, ошарашил нас сообщением:

– Не возражаете, если я завтра открою казино в Малеевке? И готовы ли вы прожигать жизнь за игровым столом?

Мы всегда ожидали от жизнелюба Голованова, человека неужённой, космической фантазии, любого подвоха, розыгрыша, но только не рулетки в самом дальнем коттедже, где проживал и легендарный Генрих Сапгир. Честно говоря, мы растерялись, хотя о провокации не думали, от Кириллыча подлянки мы не ожидали – не тот человек.

Ярослав Кириллович, видя нашу нерешительность, спросил с ехидной улыбкой:

– Слабо, значит, юным дарованиям в запрещённые игры играть?

Последнее обожгло нас как кипятком, мы разом встрепенулись, запетушились.

– Обижаете, Ярослав Кириллович, играть мы готовы всегда и даже с удовольствием, но кто же обучит нас, тёмных, мы ведь, как вы, по Парижам и Лас-Вегасам не шастаем.

Повеселевший Голованов расхохотался:

– А я подумал: сдрейфили, испугались чёрных воронок с Лубянки, что зачастили в Малеевку, и горит моя зятая, даже если и вы, гуляки, дрогнули. А игра нехитрая, правила в ней твёрдые, как соберёмся завтра у меня, я всем всё сразу и объясню на поле боя.

И после прозвучавшего звонка, приглашающего писателей в кинозал, добавил:

– Можете, если хотите, привести ещё два-три человека на игру, я уже уговорил кое-кого на премьеру.

И побежал вниз по лестнице, в кино он не собирался.

Мы с Виктором Гофманом поспешили в зал, в разные его концы, согласно приобретённым билетам. Фильм, французская комедия, вызвал неожиданный интерес у обычно инертной и равнодушной к чужому творчеству писательской публики, и зал оказался полон. Трёх-четырёх припозднившимся молдаванам даже не досталось билетов, но администрация великодушно разрешила

бесплатно пройти в зал со стульями из холла.

Фильм оказался с тонким юмором, с прекрасной игрой актёров, сюжет не позволял отвлечься ни на секунду, и я напрочь забыл о завтрашнем приглашении на премьеру рулетки в единственном оставшемся со старых времён скрипучем деревянном коттедже у самого леса, даже помню его номер: десять. Может быть, я забыл об этом не только от искромётности фантазий авторов фильма, а оттого, что моё место оказалось рядом с двумя очаровательными девушками – дочерьми строгого и авторитетного академика Александра Ивановича Овчаренко из института имени Максима Горького.

После фильма от распивавших меня эмоций, от приятного соседства в кино, от интересного приглашения на рулетку, которое всё-таки вспомнил, я не вернулся за письменный стол, хотя и намеревался ещё раз перечитать написанные днём пять страниц – меня тянуло к людям, к общению.

И тот поздний январский вечер остался в памяти навсегда. Мягко, лениво, как в кино, падали крупные снежинки, даже не дул обычный в это время северный ветер. Тропинки, аллеи, подходы к коттеджам оказались тщательно расчищены, фонари горели все до одного необычно ярко, тепло, приветливо. В ту пору экономить электричество, не говоря уже о том, чтобы горевать о его недостатке, никому не приходило в голову. А сверху, как по волшебству киношного режиссёра, светила полная луна в окружении бриллиантово призматических звёзд – идеальная рождественская открытка. Много лет спустя такая открытка попала мне на глаза в альпийской Швейцарии.

Казалось, весь Дом творчества вышел в тот вечер на прогулку, попала мне навстречу и семья Овчаренко, с которой я галантно раскланялся. Я искал глазами Льва Адольфовича Озерова или Валентина Дмитриевича Оскоцкого, перед ужином я прослушал очередную литературную передачу Бориса Пара-

монова и у меня возникли вопросы к ним. Но вдруг я вспомнил просьбу Голованова – пригласить кого-нибудь на рулетку, не могли же мы играть втроём. Хотя Ярослав Кириллович ни о чём нас не предупреждал, я понимал, что не всякого можно пригласить в компанию, всё-таки рулетка – игра на интерес. Неважно, копейка или рубль, статья одна и та же, как обронил однажды легендарный Алимжан Тохтахунов, по кличке «Тайванчик», а, если точнее – «Тайванец». Он подавал надежды вырасти в выдающегося футболиста, такого, как Лионель Месси, например. Но не срослось, не судьба. Травма – я свидетель тем временам и обстоятельствам. Алик Тохтахунов получил свой первый и единственный срок только за то, что играл в карты на деньги.

Воспоминание о судьбе Алика несколько притормозило мои поиски партнёров, но уж так хотелось сыграть в рулетку!

И тут меня, остановившегося задумчиво у припорошенной снегом голубой ели возле коттеджа Фёдора Семеновича Наркирьера, где любил останавливаться и Волгин, и Поликарпов, окликнули. Я поднял голову и увидел Игоря Волгина, он спускался с крыльца на прогулку. Судя по лицу, по улыбке, день у него получился удачный – писалось. В эту минуту я забыл о проблеме с рулеткой и стал с жаром рассказывать Игорю о прослушанной передаче Бориса Парамонова. Все возникшие у меня вопросы я переадресовал ему и тут же получил обстоятельные ответы.

Так получилось, что Игорь Леонидович никогда не выпадал из поля моего интереса, хотя мы крайне редко виделись после потери Малеевки. И я могу утверждать, что он, подобно английскому истребителю «Харриеру», обладающему мощным вертикальным взлётом, всегда поднимался всё выше и выше и, даже достигнув признания в мире, не перестаёт удивлять мировую науку и меня, как поэт и учёный.

Заканчивая прогулку, я опять вспомнил о завтрашнем вечере у Голованова

и спросил Волгина без всякой надежды, на всякий случай, не очень рассчитывая, что это может его заинтересовать:

– Игорь, не хочешь завтра в рулетку поиграть?

Он посмотрел на меня так, словно я его разыгрываю, и переспросил с нескрываемой издёвкой:

– В рулетку? Где же казино, в Глухове?

Пришлось мне подробно рассказать о затее Ярослава Кирилловича.

– Голованов? Это серьёзно... А играть как собираетесь – понарошку, на фантики, или всерьёз? – В нём заговорила природная осторожность. Он-то мгновенно понял – что к чему. И про чёрные «Волги», что приезжали сегодня, он, конечно, знал, потому как дружил и с Инной Львовной, и с Семёном Израилевичем, и про ответственность за азартные игры тоже ведал, даже не зная судьбы «Тайванца». Игорь как бы читал мои недавние мысли, он и в молодости был мудр.

Поняв, что промахнулся, я ответил, сохраняя достоинство:

– Конечно, на интерес, мы же взрослые люди, чтобы в фантики развлекаться.

Вдруг он остановился, как-то поновому, заинтересованно глянул на меня и сказал с неожиданным азартом, которого я никак не предвидел. Такие ситуации возникают иногда только в хороших прописанных пьесах.

– А что, прекрасная затея! Рулетка, зимняя ночь за окном, плотно зашторенные занавески, условный стук в дверь, ставки, азарт, выигрыш, проигрыш, восторг, отчаяние, крушение надежд, шальное богатство! Интересно, очень интересно!

Перед ним мгновенно сложился неведомый мир, мир, который, наверное, волновал его давно – но я понял это только спустя... три года.

– Спасибо, что пригласили.

На этом мы и расстались. Я оглянулся – на дальних дорожках к коттеджам уже погасли фонари, даже луна, владычица ночи, исчезла за единствен-

ной объявившейся на небе тучкой. На сонных аллеях Малеевки никого уже не было. Удивительный вечер закончился.

На другой день, сразу после ужина, я пришёл с Игорем в коттедж номер десять. Оказывается, Голованов занимал там самую большую комнату, очень уютную, на момент нашего прихода ничто там не напоминало зал для рулетки, хотя мы с Волгиным и озирались по сторонам. За нами с интервалом в десять минут появился Гофман с сыном Петра Лукича Проскурина – очень популярного в те годы писателя, он имел миллионные тиражи любимых народом книг. На мой взгляд, кроме «могучей кучки» писателей, о которой я уже упоминал, существовала и тройка былинного масштаба великих русских богатырей-романистов в лице Петра Проскурина, Михаила Алексеева, Анатолия Иванова. Хотелось бы, хоть и запоздало, вдогонку истории, застолбить за собой термин – «три богатыря русско-советской литературы».

Увидев Проскурина-младшего, которого видел впервые, я испугался – знал крутой нрав Петра Лукича. Хорошо знал и его очень активную, властную жену, татарку, родом с Дальнего Востока, где Проскурин в молодости работал на лесоповале и где его тесть руководил местным писательским союзом.

Я отчётливо понимал последствия, связанные с азартными играми, в которые мы втянули студента – сына Проскурина. Но не мог же я, распахнув дверь, сказать ему: «Гуляй, Вася, такие страсти не про тебя, иди зубри латынь».

Пока мы с Игорем приглядывались, Проскурин-младший приметил на тумбочке в углу у кровати бутылку виски и рядом несколько гранёных стаканов, как ни странно, подходящих для заморского напитка. Это был ещё один щедрый подарок Кириллыча. Виски тогда в свободной продаже, кроме магазинов «Берёзка», торговавших на валюту, не было. Юный гость, понимая, что виски предназначено сегодняшним игрокам, лихо отвинтил пробку, весело воскликнув:

– О, «Баллантайнс»!

Видимо, он хорошо знал этот сорт.

Пётр Лукич, его отец, много печатался за рубежом и «Берёзками» пользовался широко. Затем жестом бывалого бармена плеснул понемножку во все четыре стакана и очень ловко преподнёс каждому из нас. Игорь успел мне шепнуть: «А этот малый – не промах, мне он нравится: как прекрасно, свободно держится, не то, что ты – стоишь как истукан, а точнее, как бедный родственник на пиру, хотя, я вижу, Голованов благоволит тебе, пригласил лично».

Не знаю, чувствовал ли Игорь мои страхи относительно Проскурина-младшего, но его слова раскрепостили меня, я тут же повеселел и стал по-иному смотреть на самого юного участника сегодняшней игровой премьеры.

Жаль, я не запомнил его имени, он действительно оказался замечательным парнем, надо отдать должное проницательности Волгина. Пока мы смаковали глоточками крепчайший виски, я слышал, как в тесной прихожей щёлкали замки роскошного кожаного чемодана Голованова, сплошь обклеенного стикерами известных авиакомпаний и знаменитых отелей. Чемодан Ярослава Кирилловича вызывал у многих пажонов жгучую зависть и интерес, и, как рассказывал сам спецкор, несколько раз в аэропорту какие-то грузины предлагали ему немислимые деньги за это жёлтое, бычьей кожи, чудо. Понты дороже денег, как говорили в дни моей молодости.

Как только Ярослав Кириллович бросил на массивный письменный стол, дружно передвинутый нами от окна на середину комнаты, две лёгкие, плоские, немало формата коробки, раздался, как и нафантазировал накануне Волгин, условный стук в дверь, и хозяин комнаты поспешил к входу встречать новых гостей. Мы все потянулись глазами в прихожую, но я успел заметить, что Игорь шагнул к окну и более тщательно зашторил занавешенное окно.

Четверо молодых мужчин, приехавших на чёрной «Волге», оказались нашими соседями – двое из Дома творчества кинематографистов в Рузе, а двое – из Дома композиторов.

Голованов помог раздеться гостям, небрежно побросав их щегольские итальянские и французские дублёнки, вызывавшие не меньшую зависть, чем его чемодан, прямо на это кожаное чудо, лежавшее на полу, и представил нас, сказав приятные слова в адрес каждого. Так же подробно он аттестовал композиторов и киношников. Очень жалею сегодня, что не запомнил их фамилии, особенно двух молодых людей из Дома композиторов. Мне кажется, я уже лет тридцать вижу их на телеэкране, встречаю в Концертном зале Чайковского или в Большом зале Консерватории.

Надо отметить, что и Голованов, и запоздавшие гости, все пятеро, были старше нас, уже успевших хлебнуть «Баллантайнс».

Голованов в мгновение ока раскинул содержимое обеих красочных корбоек на двухтумбовом дубовом столе, и перед нами появилась рулетка в миниатюре, правда, в пластике под полированный гранит и красное дерево, с первоклассным картоном, имитировавшим благородное зелёное сукно из Манчестера.

Как выяснилось, киношники и композиторы знали правила игры, и они вышли в коридор покурить, что, как показалось мне, вызвало недовольство Голованова. Ярослав Кириллович в течение десяти минут объяснял оставшимся правила игры, на самом деле ясные и простые, исключаящие, на первый взгляд, спорные моменты. Все слушали молча, не перебивая мэтра, но, несмотря на всю простоту правил, Волгин всё же задал Голованову несколько очень тонких вопросов, например – каждый ли вправе стать крупье? Хозяин комнаты, не ожидавший вопроса, с любопытством посмотрел на Игоря и ответил: «Не каждый».

Затем после короткой паузы продолжил: «В настоящем казино ответственность за выигрыш клиента несёт владелец заведения, а не крупье. В нашем случае крупье как бы представляет заведение, и оттого им может быть только человек, относительно состоятельный,

чтобы гарантировать выигрыш каждому. Хотя, надо признать, крупный и постоянный проигрыш крупье случается не часто, обычно игроки проигрывают друг другу. Вот недостачу выигрыша игрокам приплачивает крупье, а если проигрывает большинство – ставки отходят к заведению, в нашем случае – к крупье. В данной ситуации любой из вас, становясь крупье, играет как бы против всех. Сегодня, для начала, его роль я беру на себя и только потому, что ставка на одну позицию не должна превышать двадцати копеек, а позиций таких много. Следующая игра может состояться со мною в роли крупье, только если я сегодня не окажусь в жестоком проигрыше и не стану банкротом. В таком случае кто-то из вас должен взять на себя роль крупье».

И Голованов многозначительно посмотрел на вернувшихся к столу композиторов и киношников, видимо, людей, по нашим меркам, состоятельных.

Через минуту Ярослав Кириллович голосом мажордома объявил:

– Господа, пожалуйста, делайте ваши ставки.

И игра началась.

Признаюсь, «господа» крепко резануло слух, сегодня вы даже представить себе не можете, как было рискованно играть в «господ», даже понарошку, не говоря уж о нашем случае. Тут, наверное, и Голованова, заварись какая каша, не спасли бы никакие заслуги и связи, и даже общение с первыми лицами государства. «Господа» в любом контексте идеологически были несовместимы с правящим коммунистическим режимом. Уж я точно понимал, даже физически ощущал это своим рабоче-крестьянским происхождением.

Конечно, игра в рулетку имела элемент зрелищности. Мне нравилось, как Голованов, только объявив выпавший номер, а делал он это артистически и каждый раз по-новому, мгновенно, как профессиональный крупье, ловко, элегантно жестом, используя длинную лопаточку, отгребал фишки проигравших к выигравшим, а если что оставалось

на сукне, то бишь картоне, с прибауткой, шуткой, философской фразой поддвигал к себе. Хозяин рулетки был столь профессионален, быстр, точен, внимателен, любезен, артистичен, что Проскурин-младший в перерыве, когда допивали остатки виски, сказал нам с Игорем по-свойски:

– Ярослав так часто мотается по свету, не подрабатывает ли он, при таком таланте и знании языков, где-нибудь в Монте-Карло или Лас-Вегасе?

Мы с Игорем переглянулись, парень был наблюдателен, дерзок не по годам.

Игроки быстро освоились, кто-то ставил на две-три позиции, кто-то на пять и больше, а Проскурин-младший сыпал фишки кругом, где было свободно, не раздумывая, но особенно не выигрывал и не проигрывал, хотя однажды после перерыва и сорвал большой куш при минимальных ставках. Проигрывали киношники и композиторы, они и настаивали разрешить делать ставки по рублю, видя очевидный успех крупье, но Голованов был строг, игра переходила в острую фазу. Были и небольшие перерывы, время стремительно приближалось к полноте. В перерывах кто-то выходил покурить, Голованов не курил и запрещал делать это в своём рабочем кабинете, как он сам его называл, остальные дружно выпивали, закусывали. Гости из Рузы пришли не с пустыми руками, принесли две бутылки «Столичной» водки в новых длинных, изящных бутылках и закуски – дивную югославскую ветчину в большой полуторакилограммовой жестяной коробке и уже нарезанную сырокопчёную колбасу, не менее килограмма. В те годы такая колбаса подавалась только в ресторанах и спецмагазинах. Ещё привезли какой-то замечательный заморский сыр, тоже нарезанный и завернутый в особую тонкую специальную бумагу для продуктов. Глядя на царское угощение, Волгин шепнул мне: «А буфет-то у них побогаче будет».

В общем, премьера катилась успешно, никто не спешил уходить. После одного из перерывов заезжие гости

всё-таки уговорили хозяина рулетки разрешить делать ставки по рублю, чему очень обрадовался наш горячий студент. Он даже заплодировал в знак одобрения, но Ярослав Кириллович его мгновенно остудил: «А это вас, молодой человек, не касается, вы будете продолжать играть на прежних ставках». Какой всплеск эмоций продемонстрировал Проскурин-младший – не высказать! В нём таился, оказывается, ещё и актёрский талант, но Голованов был твёрд, и студент остался, хотя и грозился уйти. Игра оживилась.

У меня игра шла с переменным успехом, мне, если откровенно, нравился сам процесс, а главное, атмосфера азарта вокруг. Хотя и играли по мелочи, страсти кипели. Видимо, страсть не очень зависит от сумм, но, судя по фильмам, это не так, хотя с высоты своих лет я придерживаюсь собственной версии. Я с удовольствием наблюдал, можно сказать, даже восхищался, как ловко управляется Ярослав Кириллович с непростым хозяйством, любовался тем, как небрежно разбрасывает фишки по сукну студент. Остальные как-то выпали из моего поля зрения, хотя время от времени я слышал голос Виктора Гофмана, человека тоже азартного, но выдержанного, в нём страсти, наверное, кипели внутри.

Потерял я из виду и Волгина, вот его совсем не слышал и не видел, хотя у стола он стоял рядом со мной. Только однажды я увидел его руки – тонкие, холёные, с гибкой кистью, как у пианистов или выдающихся карманников. Руки, характерные и для большинства крупных картёжников, я не раз видел кампани, где играл Тайванец. Впрочем, я видел и тех, и других, и третьих – одинаково талантливые руки занимались разным делом.

Руки Игоря бросились мне в глаза, потому что он поставил по три монеты на... «чет» и «нечет». Я подумал, что он ошибся, хотел обратить его внимание на несуразность ставки, но меня окликнул крупье, чтобы я поторопился со ставкой. И я снова потерял на время Иго-

ря из виду. Только дважды, как сквозь сон, через пелену сознания слышал, как крупье обращается к нему: «Господин Волгин, пожалуйста, сделайте ставку, вы задерживаете коллег». На что Волгин отреагировал очень серьёзно: «Извините, я пропущу этот кон, мне нужно кое-что обдумать». Никто чудачества Игоря не комментировал, может, и не слышали, даже студент, очень едкий на язык парень. Я тоже не считал нужным вникать в смысл слов уважаемого мною поэта, я как раз трижды подряд выиграл и был занят собой. Я, как и киношники с композиторами, ставил уже по рублю. Именно после моих удач казна возле крупье заметно истаяла.

Случайно уронив фишку, я увидел, как Игорь, не замечая меня, с невероятным вниманием и интересом, словно от этого зависело нечто важное, судьбоносное, вглядывался не в зелёное сукно, где Голованов передвигал фишки уже на чувствительные суммы, а на наших гостей из Рузы. Вот гости интересовали его всерьёз, они играли страстно, переходили от одного края стола к другому, придумывали невероятные для меня комбинации, которые один в один повторял за ними в следующем туре Проскурин-младший и часто выигрывал при этом, а сами авторы «великих» комбинаций продолжали проигрывать и проигрывать.

Я забыл на время про игру, Игорь волновал меня больше – почему «чет» и «нечет» одновременно, и его столь пристальное внимание к чужим страстям, эмоциям? Зачем ему, поэту совершенно иной формации, такое повышенное внимание к пагубным страстям, давно вдоль и поперёк изученных литературой, хоть в прозе, хоть в поэзии? Он, наверное, рисует, подумал я вдруг радостно, и хочет написать картину «Страсти греховные», много объяснения я в тот миг не предполагал. Название картины я намеревался подарить ему при случае, если застану его за мольбертом.

Игра неслась стремительно, приближалась полночь – конец оговоренного времени игры, и все понимали, что

Голованов ни на минуту не продлит её. Кириллыч был одним из самых принципиальных людей, которых я знал.

Студент, не мудрствуя особенно, продолжал дублировать ходы киношников и композиторов и почти всегда выигрывал, мои три крупных выигрыша тоже перетекли к нему. «Фартовый парень», – сказал о студенте один из киношников с заметной долей зависти. Они ведь видели, что студент идёт по их следам, и были бы не прочь запретить ему это, но правила игры не запрещают этого. Случись претензия, Голованов непременно стал бы на сторону юноши.

В какой-то момент я вновь увидел на картонном сукне белоснежные манжеты эстета Волгина, он тоже ставил по рублю, но теперь... на «красное» и «чёрное». Никто за чужими ставками не следил, думал о своих ходах. А я так запутался в своих предположениях о тактике Игоря, что подумал – я так устал, и мне померещилось: «красное» и «чёрное» одновременно, такого не должно быть ни при каком раскладе, ни при какой фантазии, Волгин всегда производил впечатление очень разумного человека.

Игра в рулетку захватила Малеевку всерьёз. На следующий день пришли играть двое кавказцев, начали с претензий – почему не пригласили их вчера. На что Голованов, быстрый на ответ, съязвил, что их и сегодня не приглашали.

Мгновенно наметился скандал, как теперь принято выражаться – на межнациональной основе, хотя молодые кавказцы оперировали словами: мы не хуже вас, Тбилиси – почти Париж, и в Тбилиси, мол, с царских времён игра в рулетку не прерывалась ни на день и стала чуть ли не национальной игрой – вот в таком приблизительно ключе. За нас всех отбивался от грузин хозяин комнаты, но, если что, мы бы Кириллыча не дали в обиду. Но скандал очень быстро уладил Гофман, переводивший грузинские стихи. Разумеется, эмоциональные поэты подсыпали перца в игру.

Правила рулетки они действительно знали. О ставках их никто не предупредил, они с места в карьер стали ставить по пятёрке на кон. На замечание крупье – не ставить больше рубля, один из них дерзко ответил: «Мои деньги, сколько хочу – столько и ставлю». Но, как вы понимаете, у Ярослава Кирилловича с ответом не заржавело: «Сколько хотите ставьте у себя в Тбилиси, а у нас правила свои. Не нравится, вон – Бог, а там – порог».

Гостям, видимо, так хотелось играть, что они согласились и больше ни разу не выступали, хотя им, наверное, очень хотелось раз десять высказать что-нибудь жёсткое, а, может быть, даже врезать разок ехидничавшему весь вечер в их адрес Проскурину-младшему. Тот постоянно называл их «наши парижане». Студент наш был не только дерзок, но и смел, он не мог не видеть в глазах «парижан» иногда очень злые огоньки. Я попытался вмешаться, хотел сказать, чтобы он оставил грузин в покое, но Игорь меня остановил: «Не лезь, так Проскурины куют характер, я ведь тебе ещё вчера сказал, что он – стоящий парень».

В обед в столовой я столкнулся с Игорем у буфета, и первый вопрос, который я от него услышал, был: «Сегодня играем?» У меня мгновенно мелькнула мысль – странно, такой разумный человек, а как быстро, с первого раза, подсел на игру, глаза у него горели страстью, таким я его ещё никогда не видел. Я ответил – только что виделся с Ярославом Кирилловичем, и игра состоится, как и вчера, после ужина. Игорь, обрадованный, негромко попросил буфетчицу: «Милая Зоя, пожалуйста, заверни чего-нибудь вкусенького из дальних закровов родины, у меня сегодня важные гости. Уважь». Я тут же отправился к своему столу – строптивой Зое свидетели её симпатий к Игорю были не нужны.

Не приехали на игру щедрые гости из Рузы, но от них был гонец, кинорежиссёр, он тоже приехал на чёрной «Волге», и, как вчера его коллеги, при-

вёз и выпить, и закусить. В тот вечер многие впервые попробовали французский коньяк «Наполеон», вот он-то изредка бывал в продаже в «Елисейском» на Горького, но стоил очень дорого, хотя исчезал в течение часа. Принёс и я на закуску знаменитую на востоке колбасу *казы* из конины. Она пошла на ура, затмила и югославскую ветчину, и сырокопченую колбасу.

Всё было, как и вчера – игра, перерывы, перекуры. И снова – девять человек, Проскурин-младший привёл с собой друга. Если вчера игра набирала темп плавно, то сегодня понеслась с места в карьер. Монеты ставили редко – только новый игрок, приятель студента, и я, даже осторожный Волгин ставил рублёвые фишки. Наш студент, помня успех на премьере, пытался повторить его, снова густо устилая картонное сукно фишками, но вчерашних лоцманов из Рузы, торивших ему путь к успеху, не было. Проскурин-младший два-три раза попытался повторить ходы кинорежиссёра, но скребок крупье то и дело сгребал его ставки выигравшим, а иногда их пригребал к себе Кирилллыч.

Захватила игра и меня, но не в смысле выиграть-проиграть, я особенно не горячился, держал себя в узде. Я вдруг так кстати вспомнил легендарного Фицджеральда, человека страстного, увлекавшегося не только картами, но и рулеткой, и подумал – вот же новая тема, не отжатая в нашей литературе – азарт. И я стал пуще прежнего вглядываться в сгрудившихся вокруг письменного стола Голованова азартных игроков.

Как и вчера, стоявший рядом со мною Волгин, видя, как я откровенно наблюдаю за игрой поэтов из Тбилиси, шепнул: «Мне кажется, игра не любит злых людей, играть нужно легко, небрежно, не ставя больших задач и целей – так, как играет Проскурин-младший». Игорь произнёс это с убеждением, хотя видел, что студент сегодня чаще проигрывал, чем выигрывал. Я не стал возражать Волгину, хотя не разделял его точки зрения. Как я понял, он складывал свою концепцию понимания

игры, а точнее, его интересовало поведение людей, моментальная смена настроения, а отсюда – и поступков. Но зачем ему это надо? Меня он крепко заинтриговал, потому что виделся мне неким эталоном литератора и человека. Не собирается же он открыть казино, да и это было бы невозможно ни при каких обстоятельствах – социализм прочно стоял за плотно зашторенным окном, глядевшим в тёмный лес.

Тогда в полный политический галос ещё не зазвучали ни Солженицын, ни Зиновьев, ни Буковский, самым заметным и авторитетным оппонентом коммунизма на Западе выступал профессор А. Авторханов, чеченец, родом из Надтеречного района, автор многих фундаментальных статей и книг, доставлявших немало хлопот идеологическому отделу ЦК КПСС и его главному теоретику М. А. Суслову. Вот передачи Авторханова глушились с особым рвением. Я слушал два его интервью, которые он давал Тенгизу Гудаеву, давнему грузинскому диссиденту из Кутаиси, работавшему на радиостанции «Свобода». Его артистический баритон я и сегодня узнал бы из сотен. Авторханов своим глубокомыслием, аргументацией, парадоксальными примерами заставил меня кое о чём задуматься, хотя тогда я был уверен: насчёт скорого краха социализма он крепко ошибался.

Я уже строил в голове план рассказа или повести, и в нём нашлось место этим горячим парням из Тбилиси, одетым по моде, дорого, стильно, что резко выделяло их из среды обитателей Малеевки. Я невольно стал проникаться симпатией к своим будущим героям. Не любить своих героев означало для меня одно – загубить вещь, это было моим собственным открытием в литературе, и я его всегда придерживался. Я уже мечтал, что посмотрю за игроками день-два и по свежим впечатлениям начну писать – работа над повестью подходила к концу.

Но, забегаая вперёд, признаюсь: молодые щёголи из Тбилиси вскоре досрочно покинули Малеевку, уехали по-

гулять в Москву. И мои планы написать повесть с их отъездом рухнули. Больше их не видел ни в Малеевке, ни в Переделкине, но спустя много лет мы встретились в Пицунде. Хотя мы все за эти годы весьма изменились, но сразу узнали друг друга и бросились в объятия, словно старые добрые друзья.

В тот же день они накрыли в мою честь шикарный стол в ресторане «Ин-кит», расположенном напротив Дома творчества. Грузинское застолье всегда поражало меня, я был во многих известных домах в Тбилиси, но тут посевшие поэты превзошли себя. На вечер пригласили почти всех грузинских писателей и поэтов, отдохавших в Пицунде, среди них были и те, кого я уже упоминал, но центром стола оказался Мэлор Стуруа, тоже прибывший на отдых в этот день. Стуруа был ещё не стар, энергичен, элегантен, в джинсовом костюме, так подходившем его поджарой фигуре, говорил он так же ярко, как и писал. За грузинским столом всем предоставляется слово, и мои давние партнёры по игре с жаром рассказывали и об азарте запрещённой рулетки, заснеженной Малеевке, припомнили и виски «Баллантайнс», и югославскую ветчину. Вспомнили они и крупье Голованова, и Виктора Гофмана, вспомнили и задиристого Проскурина-младшего, и даже про «парижан» ввернули эффектно, обыграв ситуацию, что вызвало за столом необычное оживление и смех. Вот какой след в их памяти оставила малеевская рулетка.

Но я снова отвлёкся, извините – несёт на волнах памяти, вернёмся в тёплую, очень уютную комнату Ярослава Кирилловича, на время ставшей для нас казино.

Голованов от «господ» и не думал отказываться, наверное, он считал, что без подобного обращения рулетка становилась пошлой и вульгарной игрой на интерес.

«Господа!» – больше всего понравилось грузинам, наверное, подобное обращение и сдерживало их от агрессивных действий против Проскурина-

младшего, которому Ярослав Кириллович всё-таки сделал замечание – вести себя тактичнее и не задирать его гостей. Внушение было благосклонно принято грузинами, но никак не отразилось на поведении студента, язвить он продолжал по-прежнему и даже пару раз клюнул Гофмана.

Почти с нескрываемым ликованием принял «господ» и новый игрок, друг Проскурина-младшего, тот аж светился лицом. Может, он действительно был голубых кровей – дворянин, барон, принц или ещё как их там? Хотя в ту пору происхождением никто не козырял, таились. Разве что грузины через одного объявляли себя, вне Грузии, князьями древних родов.

Абсолютно равнодушную и нейтральную к «господам» позицию занял Проскурин-младший, узнай об этом Пётр Лукич, никогда не отрешивавшийся от серпа и молота, осудил бы сына точно, за рулетку, может, и простил бы, но за «господ» всыпал бы крепко.

При каждом обращении «Господа, делайте ставки» вздрагивал, кажется, я один. Но внешне это было малозаметно, я умело скрывал свой не проходящий страх, мне казалось, я предаю нечто принципиальное, важное. Я пытался понять, что же думает на этот счёт Игорь, но спросить не решался, любой ответ мог поставить нас обоих в неудобное положение. Хорошо, что я понимал это. Какой-то внутренний голос шептал мне: к вашей далеко не благородной затее играть на интерес Волгин не имеет никакого отношения.

Охваченный собственными планами, я фиксировал происходившее вокруг, как на кинокамеру. Старался запомнить реплики выигравших и проигравших, мысленно записывал комментарии Ярослава Кирилловича, сегодня он особенно был в ударе, сыпал редкими и мудрыми изречениями, которых я никогда не слышал. Я пытался закрепить в памяти портреты своих будущих героев, уж очень колоритными были люди в игре. Я даже решил, что напишу рассказ до отъезда и подарю

его Волгину, рассказ точно помог бы ему создать групповой портрет людей, охваченных страстью. В том, что Игорь ходит на игру только как художник, я уже не сомневался, мы все были натурой для его произведения, оттого он радовался новым и новым лицам, что приходили играть в рулетку. По-прежнему у него повторялось «чет» и «нечет», «красное» и «чёрное» одновременно, но однажды я видел, как он трижды подряд ставил на зеро, а ставки были очень приличные. Так поступают самые отчаявшиеся, крепко проигрывающие. Но никакого отчаяния на лице Волгина я не заметил. Я понял, Игорь хотел увидеть разочарование всех игроков разом, ведь, если бы выпало зеро, все ставки отошли бы к Волгину. Жаль, Игорь не выиграл, интересная получилась бы картина, и название ей придумать надо – «Зеро», всем понятно. Но этот не состоявшийся в реальности сюжет я решил обязательно использовать в своём рассказе.

На третий день у нас резко поменялся состав. Гофман закрутил роман со студенткой из МГУ, потерял интерес к рулетке и больше не приходил. Уехал на два дня в Москву Проскурин-младший – тоже по сердечным делам, на день рождения своей девушки, о чём он нас вежливо предупредил накануне после игры. Не пришёл и его товарищ, о грузинах я уже говорил. Пропали игроки из Дома композиторов и Дома кино; жаль, конечно, но кончилась и югославская ветчина, и сырокопчёная колбаса, к которой мы быстро привыкли.

Я тоже находился в сильном сомнении – идти, не идти? Поздно вечером выступал на «Свободе» с лекцией блистательный Борис Парамонов, а накануне я пропустил передачу о художнике Хаиме Сутине и очень жалел об этом. Его картины есть у нас на Волхонке, 12. Совсем недавно, до рулетки, я слушал замечательную передачу этого же автора о Модильяни, о котором у нас совсем ещё мало знали, хотя выставка его работ там же, на Волхонке, уже была. Свои сомнения насчёт игры я высказал

Игорю днём, он очень неодобрительно посмотрел на меня и сказал убеждённо:

– Ломать компанию даже из-за Парамонова не стоит – неприлично, надо было вчера, при расставании, предупредить, как Проскурин-младший. Голованов может обидеться. – Потом он, неожиданно сбавив тон, спросил меня с любопытством: – О чём или о ком будет передача Парамонова?

Я с грустью назвал тему, Игорь вдруг легко рассмеялся, словно снял с меня проблему, и сказал:

– Не горюй, об этом я тебе сам расскажу не хуже Парамонова.

Не знаю, как прознали писатели про игру, но на третий вечер игроков собралось больше, чем обычно – двенадцать человек, и все из нашего Дома творчества. Конечно, стало тесновато, но как-то притёрлись. Я опять вспомнил про рассказ и на всякий случай продолжал вглядываться в новых героев, тема-то у меня была, да сюжет интересный, драматический никак не складывался. Не видел я уныния от нового состава и на лице Волгина, он даже оживился пуще прежнего. Наверное, теперь Игоря привлекал чисто русский характер играющих. Пришли пятеро сибиряков, земляков Валентина Распутина, и двое с Алтая, жутко азартные люди, очень похожие на киношных шаманов, они мне напомнили вчерашних грузин. По темпераменту, разумеется.

Самым странным для меня оказалось в тот вечер то, что из семи писателей, представлявших по неофициальной терминологии «почвенников», «деревенщиков», ни один из них никак не отреагировал на «господа!» Не среагировали ни в шутку, ни всерьёз, были равнодушны, как вчера и позавчера Проскурин-младший. Может, они в душе считали себя господами? Чужая душа – потёмки.

Ситуация с «господами» заводила не меня одного, затронула она и такого тонкого человека, как Голованов. Сегодня Ярослав Кириллович с «господами» даже перегибал. Открыто, но тонко про-

воцировал, а новые гости и ухом не вели – их интересовала игра, ставки. Играли они, как сажали картошку, – глубоко копали, тщательно присыпали, без шуток, розыгрышей, подначек, как уже сложилось в нашем казино. Очень не хватало энергетики Проскурина-младшего.

Разумеется, в сложной ситуации находился и Волгин. Но по его лицу нельзя было ничего понять. Он, как английский лорд, выглядел невозмутимым, предельно корректным, играл в свою игру, мысленно набирал портреты для своей будущей многоплановой картины, или, как поэт и потомственный москвич, изучал характеры, поведение людей, не очень близких ему и по географии, и, если уж откровенно, по культуре.

Игра шла вроде, как обычно, страстей хватало, но страсти были другие – предсказуемые или поверхностные: выиграл – проиграл. Исчез магнит игры, флёр, не хватало электрической искры, вмиг менявшей ситуацию. Не хватало высоты игры, вот, оказывается, чем отличались первые дни рулетки. Не чувствовалось естественного куража у крупье, куда-то пропали его афоризмы, философские высказывания о природе человека, которые ныне были бы уместнее всего, хотя сегодня Голованов выигрывал и выигрывал, но это не доставляло ему радости. Странно, сегодня ставки редко гуляли от одного края стола к другому, чаще они сгребались в пользу крупье, хотя выигрывал и я.

Удивительно, никто не сказал ни с восторгом, ни с горечью, ни с завистью, ни ехидно, как Проскурин-младший: «Фартовый день у вас, Ярослав Кириллович!» Не сказал и я, хотя и порывался. Я жалел о том, что как раз в эти минуты мог бы слушать полуторачасовую передачу блистательного Бориса Парамонова. Я явно терял интерес к игре и к компании, меня держал здесь только Игорь, искавший непонятно что, его загадка «чет-нечет» продолжала меня волновать, хотя, кажется, я уже почти отгадал её.

Я, наверное, ушёл бы с этого вечера совсем расстроенным, если бы не

сделал немаловажное открытие в загадке Волгина, не фундаментальное, но приближающее меня к отгадке – «чет-нечет». Как я об этом раньше не подумал, ведь я знал Игоря давно. Знал его болезненную щепетильность, касающуюся денег. Игорь никогда не завидовал чужим гонорарам, ничьим госпремиям, никогда не говорил о них, не помню, чтобы брал взаймы, относился он к деньгам равнодушно.

Сказав себе: он равнодушен к деньгам, я понял отгадку «чет-нечета». Такие деньги – деньги, добытые в азартной игре, унижали бы его, жгли бы ему руки, он не хотел выигрыша, ни маленького, ни большого, это противоречило бы его духовной сущности. Вот почему он играл одновременно на «красное» и «чёрное». Сделав такое логическое открытие, я аж задышал свободнее и оглядел внимательно и даже ласково стоявшего, как всегда рядом, Волгина.

Я, кажется, успокоился окончательно, но, уходя, нашлась новая, покруче, загадка. А почему он тогда ходит сюда с таким интересом? Что его так держит среди людей, чуждых его культуре, его духовным запросам? Всё началось сначала, новый вариант загадки интриговал меня.

Утром зашёл ко мне Виктор Гофман, занёс с почты отложенные для меня газеты, которые я регулярно покупал, находясь в Малеевке. Я предложил ему выпить чашку кофе «Юлиус Майнл» из Вены и налил рюмочку грузинского коньяка «Варцихи», ценил который так же, как и армянский «Ахтамар». Главный малеевский донжуан даже не спросил про ночную рулетку, а с увлечением стал рассказывать о вчерашней передаче Бориса Парамонова, которую я пропустил. Больших мук для меня в то утро нельзя было придумать, он сыпал соль на мои душевные раны щедро, пригоршнями. В конце концов, эту соль он ещё и растёр жёстким вафельным полотенцем, назвав мне интересные передачи, которые должны были пройти сегодня, завтра и, кажется, даже послезавтра.

Я думаю, сделал он эти сообщения без злого умысла. Виктор тоже был человеком тактичным, мягким, да и поводов досадить мне у него не было.

После ухода Гофмана, я долго сидел на диване, не прикасаясь к газетам, не возвращаясь за письменный стол. Извечный вопрос «что делать?» требовал немедленного ответа. Моя отлаженная жизнь в Доме творчества рухнула всего за три дня. Сидел я долго, но встал с ясным пониманием ситуации – с игрой надо было кончать немедленно. Я решил во время короткой послеобеденной прогулки, которую изредка совершал, сообщить о своём решении Игорю. Что подумает Голованов, меня уже не волновало – слишком многое я терял.

Приняв решение, после ухода Гофмана я успокоился и работал продуктивно до самого обеда, хотя время от времени отвлекался и думал, как бы тактичнее объяснить Игорю, что рулетка меня больше не волнует. Тут требовалась тонкая дипломатия, я чувствовал, что Игоря там что-то держит, и он опять попросит меня составить ему компанию, и я снова не смогу ему отказать – огорчать ни его, ни себя не хотелось.

Обед у писателей проходил всегда шумно. Может, тому способствовал буфет, работавший только в эти часы... Игорь обедал на другой половине зала и, закончив трапезу гораздо раньше меня и проходя мимо, спросил:

– Не хочешь после обеда прогуляться немного, до Глухова и обратно?

Я молча кивнул головой, всё складывалось для меня наилучшим образом.

По дороге в Глухово к нам в компанию навязалась студентка, знакомая Игоря, она торопилась в магазин за лыжной мазью, стояли прекрасные, солнечные, без ветра дни. Обратное, не дожидаясь лыжницы, мы возвращались вдвоём, и Волгин, не забыв о своём обещании, рассказывал о Георгии Иванове, то, о чём мне уже поведал утром Гофман. Признаюсь, Игорь говорил подробнее, с деталями, и очень важными, о которых не упоминал Гофман, наверное, их не было в передаче Бориса Парамо-

нова. Я был под таким впечатлением, ощущал такую благодарность Игорю за блестящую лекцию, что решил сегодня не портить ему настроение и не сообщать о своём принятом решении.

Заслушавшись, я и не заметил, как подошли к главному корпусу, как вдруг нас сзади громко окликнули. Мы дружно повернулись и увидели спешащего к нам в распахнутой дублёрке Ярослава Кирилловича, даже издали было видно, что он очень возбуждён. Как только мы поравнялись, он, явно куда-то торопившийся, сказал:

– А я заходил к вам обоим, хотел сам сообщить, что игра сегодня не состоится.

– Почему? – расстроено спросил Волгин.

– Меня срочно вызывают в Москву, через пару часов за мной подойдёт машина из газеты. Завтра по приглашению американцев я должен вылететь на мыс Канаверал, там будет конференция о ракетах-носителях, а затем – запуск новой ракеты, на который я приглашён с космонавтом Береговым. Предложение, от которого не отказываются, к тому же, я должен выступить по этой проблеме. Так что, ждите меня через неделю, – довольный предстоящей поездкой в Нью-Йорк, который он обожал, Голованов удалился.

Волгин и не пытался скрыть огорчения, хотя никак не комментировал внезапный отъезд нашего крупье. У меня же бешено билось сердце от радости – обошлось без объяснений.

В тот вечер, написав свои пять страниц, я удобно расположился на диване и до полуночи настраивал свой мощный коротковолновый «Грюндиг» на любимые радиостанции – как, оказывается, прекрасно жить своей жизнью! Я не вышел даже на прогулку перед сном, не хотел видеть Игоря расстроенным, не хотел разговоров о рулетке, о чужих страстях.

Но Голованов, оказывается, успел предупредить только меня с Волгиным. После ужина сибиряки и алтайцы, наткнувшись на закрытую дверь Голованова, дружно ввалились к Игорю в кот-

тедж с вопросом – где сегодня играем? Волгин объяснил, что «казино» закрыто на неделю по форс-мажорным обстоятельствам – крупье улетел в Америку. Но они ему почему-то не поверили и компанией направились ко мне, думая, что игра перешла в мою, гораздо более просторную, комнату. Услышав моё объяснение, братия «почвенников» и «деревенщиков» расстроилась не меньше Игоря. Прозвучали и претензии, они с обидой сказали в адрес Ярослава Кирилловича: мог бы и оставить рулетку, и без него бы справились. На что я, без комментариев, молча развёл руками и дал понять, что очень занят.

Странно, но ни на следующий, ни в последующие дни Игорь, с которым мы постоянно встречались в столовой, библиотеке, почте, на прогулках, ни разу не вспомнил о бурных днях, проведённых в малеевском «казино», не возникал разговор и о Голованове, ни в роли крупье, ни как о специалисте по космонавтике. «Слава богу, страсть быстро выветрилась», – думал я, радуясь за Игоря. Я несколько раз заходил к нему под разными надуманными предлогами, хотя прежде визитов никогда ему не наносил – хотел увидеть его за мольбертом. Но всегда заставал его только за письменным столом, где перед ним высились Эверестом толстенные, огромные тома старинных книг, вовсе не поэтических. «Наверное, о великих художниках», – думал я, но спросить не решался. Однако скоро и это моё любопытство пропало. Мольберт, по моим предположениям, находился дома или на даче, о которой он однажды мельком обмолвился. Подарить название картины Игорю, которым я очень гордился, – «Страсти греховные», я тоже не спешил, понимал, что потеряется элемент сюрприза.

Если Игорь быстро забыл рулеточные страсти, то я вдруг обнаружил, что сибиряки и алтайцы весьма недружелюбно посматривают на меня и Волгина. Я не мог понять – почему, пока они пару раз не наведались ко мне поздно вечером, после ужина, по каким-то пустячным делам. Только тогда я понял,

что они думали: рулетка у меня с Игорем, и их просто не приглашают на игру. Когда я рассказал об этом Волгину, он от души расхохотался. Оказывается, и к нему они приходили. Догадка моя подтвердилась, но мы её не комментировали, словно сговорились, что рулетка для нас – давно пройденный этап.

Прошла неделя, Голованов не вернулся, вестей о себе не подавал. Приехал он через два дня после объявленного срока. Прибыл на своей машине, белой «Волге», за вещами. Оказывается, его доклад привлёк внимание французов. Французы как раз основательно обустроивали свой полигон на мысе Куру в Атлантическом океане и попросили Ярослава Кирилловича выступить у них в Космической академии с более расширенным докладом. Конечно, об отдыхе, лыжах, рулетке не могло быть и речи. Мы даже на прощание по рюмочке не выпили, хотя он привёз нам с Игорем подарок – бутылку не знакомого нам виски «Джек Дэниэлс».

С отъездом Голованова жизнь окончательно вошла в прежнее русло, я старался скорее закончить повесть. Дома, в Ташкенте, сразу по приезде я должен был предоставить в издательство рукопись новой книги, аванс за которую, и весьма солидный, я использовал на поездку в Москву, на жизнь в «Пекине», на расширение фонотеки, на щедрое пополнение библиотеки в «Лавке писателей» на Кузнецком мосту.

Надо признать, что нам, писателям, при социализме платили хорошо. За один и тот же рассказ мы могли получить гонорар несколько раз: на радио, в газете, альманахах и в издательстве. Открою старые тайны: писатели из республик в финансовом отношении имели перед москвичами даже преимущество. Книга, ранее выпущенная в республике, если затем она издавалась в Москве, оплачивалась как первое издание, что, понятно, вызывало зависть наших столичных коллег.

Вернёмся в Малеевку, к её снегам, сугробам, ночным прогулкам, зимнему

саду, вечерним застольям, если помните, у нас с Игорем осталась бутылка виски «Джек Дэниэлс».

Дни в Домах творчества всегда бежали быстро – работа за письменным столом, лыжные вылазки в хорошую погоду, вечерние прогулки, ночные передачи Бориса Парамонова, интересные посиделки в разных компаниях: от татаро-башкирских до всевозможных московских, среднеазиатских, кавказских, украинских, молдавских, а тут ещё и неожиданно ворвавшаяся в нашу жизнь рулетка, так что я и не заметил, как мои дни в прекрасной Малеевке подошли к концу. Напомнил мне об этом Игорь на послеобеденной прогулке, он сказал с грустью: послезавтра у него кончается срок путёвки, и нет возможности продлить её хоть на неделю, а что делать с бутылкой, подаренной Ярославом Кириллычем? Я предложил отметить его отъезд у меня, в этом плане я имел гораздо больший опыт, он не возражал. Я спросил: могу ли пригласить Льва Адольфовича Озерова? Он тоже уезжал в один день с Игорем. Возражений не было.

Проводы Игоря и Льва Адольфовича мне запомнились надолго. Когда говорю: какое удовольствие быть в компании умных, энциклопедически образованных людей, я имею в виду и тот самый прощальный вечер.

Какие удивительные разговоры вели между собой Озеров и Волгин, словно решили напоследок ещё раз просветить меня, закрепить моё образование! Гуляйте почаще с умными людьми!

Игорь уехал, и я не видел его года два. Как-то в самом начале лета, когда Москва похорошела от новой зелени, и все её скверы, бульвары заполнили уставшие от долгой зимы москвичи, я прилетел сдавать очередную книгу в издательство «Советский писатель». Жил я, как обычно, в «Пекине» и на улицу Воровского впервые потопал пешком – так хороша, свежеевымыта была после ночного дождя любимая Москва. До встречи с Арнольдом Освальдовичем Таммом оставалось часа полтора

и, проходя мимо Дома литераторов, я решил пообедать.

Дубовый зал ресторана, даже в такую рань, оказался полон завсегдатями, ни одного свободного столика, повсюду небольшие компании, пары. За столами сидели уважаемые писатели, и подсаживаться к ним я не посмел – помнил татарскую поговорку: когда коровы воду пьют, телята лёд лизут. Правда, из-за одного большого стола, возле камина, мне приветливо махнули, приглашая. Я вежливо, издали, поздоровался, но к столу не пошёл, хотя там сидел мой земляк, приятель, романист Роллан Сейсенбаев. Я понимал: пройди я за тот стол, то на встречу в «Советский писатель» вряд ли попаду.

Я уже хотел пройти в другой зал, как вдруг от столика у стены под высоким стрельчатым окном меня окликнул Волгин. Я не мог увидеть его сразу, он сидел спиной к залу, предоставив обзор великолепного ресторана своей спутнице. Сидел он с молодой, очень красивой, эффектной, элегантно одетой женщиной, чьё лицо мне показалось знакомым. Игорь предложил мне присоединиться к ним. Стол у них был богато накрыт, а в серебряном ведёрке охлаждалось шампанское «Абрау-Дюрсо», и пока я делал заказ, Волгин наполнил бокалы. У Игоря со спутницей, на мой взгляд, было хорошее настроение, и они отмечали что-то важное в своей жизни, это всегда чувствуется. Поскольку бокалы были подняты без тоста, я спросил: «За что пьём?» На что Игорь, улыбаясь, почти шутя, ответил: «За благополучный развод». Я опешил и машинально спросил: «С кем?» На мой вопрос ответила его прелестная спутница, так же мило, с улыбкой, как и Игорь: «Со мною». И я тут же узнал знаменитую балерину из Большого театра – что-то, а балет я знал хорошо. Наверное, я был так растерян, обескуражен и даже смешон, что вмешался Игорь: «Да, мы отмечаем развод, разве ты не знаешь, что подобное случается в жизни? Хотя у вас, на Востоке, наверное, в таких случаях вместо развода заводят и вторую,

и третью жену, ваша религия и мораль позволяют это...»

Вот только тогда я понял: они не шутят, не разыгрывают меня, и я являюсь свидетелем какой-то драмы, и она касалась глубокоуважаемого человека. Передо мною сидела голливудская пара – мечта любого кинорежиссёра, снимающего фильм о любви, любви вечной, принц и принцесса, они так замечательно смотрелись вместе, и, как мне показалось, так дополняли друг друга, и вдруг ядерный взрыв – развод! Почему? Зачем? Остановитесь! Но я ничего не мог ни спросить, ни посоветовать, тем более – придержать их, да и в утешители не годился.

Я думаю, он сожалел, что так опрометчиво пригласил меня за свой стол в столь драматическую минуту своей жизни, я тогда не созрел ещё до понимания публичных проводов прошедшей любви и слишком эмоционально принял приукрашенное показным равнодушием сообщение о разводе.

Мы подняли бокалы без тостов, и впервые вкус шампанского не доставил мне удовольствия. Подсаживаясь к ним в компанию, я успел сообщить, весьма кстати, что через час мне назначена важная встреча в издательстве «Советский писатель», и я обрадовался, когда официантка быстро принесла мой заказ. Это немного разрядило обстановку за столом, и они вместе со мною продолжили прерванный обед.

Я бывал в разных ситуациях, но в такой, где ничего не мог сказать, предложить, посоветовать, ободрить, – никогда. Честно говоря, от волнения, от неординарности ситуации я не совсем помню, как ушёл от них. Конечно, я распрощался, сказал что-то приличествующее известной балерине, поблагодарил за приглашение, даже поцеловал ей на прощание ручку – вот это помню точно.

Потом ещё почти года два я не видел Игоря – заботы, проблемы, романы, которые отнимали не время, а саму жизнь. Я продолжал ездить по Домам творчества, но наши пути ни в лесу, ни на море, ни зимой, ни летом перестали

пересекаться. Хотя я не терял его творчество из виду – встречал его поэтические подборки в известных журналах, книги стихов, выходившие регулярно, их обсуждали авторитетные критики, развод не выбил его из колеи, это радовало меня больше всего.

* * *

Потерпите немного. Тут нужен небольшой экскурс в историю.

У нас был Золотой век, были Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский... – они и вызвали в просвещённой Европе неподдельный интерес к русской литературе. Советская власть пыталась навязать Западу свою шкалу ценностей, пробовала внедрить в сознание европейцев и американцев, да и всего мира, Пушкина, Толстого и дальше по списку М. А. Сулова, но насильно мил не будешь.

Нравится это кому или нет, но самым читаемым, изучаемым, издаваемым в мире русским писателем оказался Фёдор Михайлович Достоевский, которого, между прочим, не очень охотно печатали в СССР до самых 60-х годов прошлого века. Слишком провидчески казались власти его некоторые романы, особенно «Бесы». Я не специалист по Достоевскому, но мне кажется, что ни один писатель в мире, включая и лауреатов Нобелевской премии, не изучается так тщательно, разносторонне, масштабно, как Достоевский. Трудов о нём так много, что и представить себе невозможно, а некоторые из них написаны так ярко, глубоко, что их интересно читать так же, как и самого автора. Редкий факт!

Каково же было моё удивление, когда накануне круглой даты в жизни великого писателя в серьёзных литературных журналах, газетах, альманахах, книгах, рядом со статьями маститых академиков, посвятивших жизнь изучению

произведений Достоевского, появились статьи молодого исследователя Игоря Волгина. И статьи Игоря Леонидовича открыли новый взгляд на творчество Достоевского, изученное, казалось бы, вдоль и поперёк. Стало понятно всем и, прежде всего, научной общественности не только России, но и за рубежом, что появился новый яркий литературовед, специалист по творчеству великого русского писателя. Затем у Игоря Леонидовича пошли одна за другой статьи, книги, ни одна серьёзная конференция в мире по творчеству Достоевского не проходила без его участия, без докладов Игоря Волгина, с которым я когда-то играл в подпольную рулетку.

С публикациями о Достоевском и открылась мне жгучая тайна: почему Волгину так нравилась игра? Он уже тогда всерьёз подступался к Фёдору Михайловичу. Эвересты толстенных книг на его письменном столе – это, оказывается, были издания Фёдора Михайловича Достоевского.

Любому читателю известно, что великий писатель сам был игрок. Игра, страсть много дали Фёдору Михайловичу и многое у него отняли. В ту пору ни Волгин, ни кто-либо другой, кроме счастливого Голованова, не мог слезать в Монте-Карло, сходиться в казино, чтобы испытать или увидеть неподдельные страсти. И когда неожиданно Волгин получил от меня предложение сыграть в рулетку, он с радостью согласился. Выпал-таки ему шанс на заре интереса к Достоевскому испытать самому страсть игры и увидеть страсть других. Как просто и ясно раскрылась так мучившая меня тайна.

Долгих лет жизни, дорогой Игорь Леонидович, плодотворного и созидательного творчества, новых открытий в жизни и творчестве всемирно любимого Фёдора Михайловича Достоевского – на радость всё новым и новым поколениям!